

Дань Цзинцю почувствовала, как чей-то взгляд задержался на её спине. Даже не поворачивая головы, она знала, что это был не кто иной, как её избалованная юная невестка.

Но Дань Цзинцю ни в малейшей степени не испугать кому-то, кто только и знал, как тихонько подсматривать.

Она начала день с того, что напугала Сунь Цзиньхуа и заставила её спрятаться. Затем она напугала кучу детей, заставив их аплодировать ей.

Она присела на корточки и мягко попыталась объяснить детям, что она просто немного сильнее обычного человека, но увидев, как дрожащий Линь Сюн осторожно сжимает её плечо, Дань Цзинцю поняла, что слова звучат слишком неубедительно.

Ладно, хорошо, значит, дети решили, что у неё есть суперсилы.

Как любой разумный человек, Дань Цзинцю воспользовалась возможностью, пока все остальные были в отъезде, и поболтала с Сунь Цзиньхуа.

Она жила в эпохе декоративных дверей, они были ненадёжными и не имели хоть какого-то запирающего механизма, поэтому она могла просто нагло напроситься в гости в дом Сунь Цзиньхуа.

Сунь Цзиньхуа увидела, как неотвратно наступает Дань Цзинцю, словно ледокол сносит препятствия, и её тело пробрала дрожь. Она ломала голову в поисках идей, как справиться с этим надвигающимся бедствием. Женщина была так напугана в первое мгновение, что упустила свой шанс сбежать, а сейчас у неё на просто не хватит сил. Её ноги ослабли и, похоже, не хотели двигаться! Она подумывала о том, чтобы позвать на помощь, но это грозило возможными унижительными последствиями.

Сунь Цзиньхуа наконец произнесла запнувшись:

— Да... Невестка, ты... что ты пытаешься сделать? Успокойся!

Откуда Дань Цзинцю было знать, что мысли Сунь Цзиньхуа наворачивали бешеные круги в попытках разобрать ситуацию, поэтому, считая, что выглядит достаточно нежно, она улынулась и произнесла то, что ей показалось милым:

— Ай, мама, видите, я...

Чтобы способствовать более приватному разговору, Дань Цзинцю сократила дистанцию между ними и положила руку на плечо Сунь Цзиньхуа, пока говорила.

Вид руки Дань Цзинцю на плече напомнил Сунь Цзиньхуа об инциденте с раздавленными дровами, эти воспоминания были настолько яркими, а её фантазия безграничной, что она расплакалась:

— Ты... Что ты пытаешься сделать...

Не зная, доживёт ли она до следующего дня, Сунь Цзиньхуа мысленно возносила молитвы, чтобы её бесполезный муж поспешил домой и стал свидетелем этого зрелища.

Увиденное просто ошеломило Дань Цзинцю. Она же ещё даже ничего не сделала, а Сунь Цзиньхуа всю разглагольствует представление.

Видит бог, она разумный человек и пришла только для того, чтобы поговорить, ничего больше. Она никогда не поднимет руку на женщин и детей!

Ей пришлось обратить ладони к небесам, показывая чистоту своих помыслов, и поклясться, что не будет совершать каких-либо насильственных действий по отношению к Сунь Цзиньхуа, прежде чем старая карга наконец перестала плакать.

Но Дань Цзинцю недооценила её способности подстраиваться под ситуацию и извлекать из них выгоду. Услышав, как Дань Цзинцю неоднократно обещала, что не будет её бить, Сунь Цзиньхуа сразу же изменила своё поведение, став высокомерной, и, указав пальцем на Дань Цзинцю, она начала выговаривать ядовитые оскорбления:

— Кому нужна такая невежественная невестка, как ты? Как ты смеешь быть непочтительной и поднимать на меня руку? Разве ты не боишься, что твои предки обрушат на тебя свой гнев? Считаешь, что ты такая замечательная? Я многим пожертвовала ради этой семьи, а теперь ты думаешь, что пришла сюда и можешь делать всё, что захочешь? Только через мой труп!

В приступе ярости Сунь Цзиньхуа выплеснула весь свой сдерживаемый гнев, накопившийся за последние несколько дней.

Холодный взгляд Дань Цзинцю заставил Сунь Цзиньхуа проглотить следующие слова. В конце концов травма так и осталась в её памяти.

— Мама, разве вы не знаете, как умер Цзянго? Как вы можете с ним так поступать?

В голосе Дань Цзинцю звучал зловещий оттенок.

Сунь Цзиньхуа вскочила на ноги, как будто кто-то раскрыл её грязную тайну:

— Что ты говоришь? Он был неосторожен, в чём же моя вина?!

Она не могла дожидаться, когда улягутся волны кругов на воде — последствия, поднятые этим инцидентом. Хотя поначалу она и чувствовала себя несколько виноватой, в конечном счёте это чувство было похоронено вместе с телом сына. В смерти Цзянго нет её вины. Если бы он не вёл себя постоянно как трус, то ничего бы не случилось, не было бы повода для возникновения последующих инцидентов.

Да, именно так. Как человек может умереть, просто выйдя что-то продавать? Он мог винить только себя за свою беспечность и трусость.

Сунь Цзиньхуа добавила:

— Он умер тогда, где-то снаружи, так в чём же моя вина? Если вам нужен виновник, то вините себя и Цзянго за то, что вам не повезло!

Дань Цзинцю была ошеломлена бесстыдством Сунь Цзиньхуа. Каким же человеком надо быть, чтобы оставаться настолько бессердечным после смерти собственного сына?

Холод в её голосе увеличился на несколько градусов:

— Цзянго был бы в порядке, если бы в тот день, как обычно, занимался хозяйством. Разве причиной его смерти нельзя назвать вынужденный уход, которому ты стала инициатором?

Сунь Цзиньхуа пришла в ярость:

— Я его мать. У меня есть право заставить его делать всё, что захочу. Почему это тебя волнует? Ты хочешь сказать, что у меня нет прав управлять собственным сыном?

— Правильно. Ты его мать. Ты дала ему жизнь. Значит, ты считаешь, что имеешь право так же легко отнять её, верно? — взгляд Дань Цзинцю пылал, пока она говорила это.

Сунь Цзиньхуа сердито хлопнула по столу и высказала пронзительным голосом:

— Да! Я даровала ему жизнь, так что я могу делать с ней всё, что захочу! — с этими словами она намеревалась выйти из комнаты, но Дань Цзинцю грубо удержала её.

Сунь Цзиньхуа был в ярости:

— Чего ещё тебе надо?

Дань Цзинцю:

— Я собираюсь задать вам очень серьёзный вопрос. Разве Цзянго, Цзяньдан и Даохуа не ваши дети? Разве Линь Сюн, Линь Цин, Лин Юй не ваши внуки? Вы ежедневно оскорбляете и унижаете их. У вас вообще есть сердце?

Наблюдая за происходящим в течение последних нескольких дней, Дань Цзинцю всё никак не могла понять, как устроен мозг этой женщины, и о чём она думает. Линь Яоси оставался спокойным не потому, что Сунь Цзиньхуа просила его об этом, а потому, что он действительно раскаивался в своём отношении к старшей невестке, но его жена, видно, ничуть не изменилась после этого инцидента.

— Почему я должна хорошо к ним относиться? Им не суждено иметь комфортную жизнь!

Сунь Цзиньхуа чувствовала, что вопросы её невестки были болтовнёй невежественного простака, который не имел представления об устройстве этого мира. Она поклялась, что как только её младший сын и дочь добьются успеха, то она определённо посвятит часть своего времени данному вопросу.

Дань Цзинцю была неприятно удивлена иронией слов Сунь Цзиньхуа:

— Мама, почему вы решили, что можете позволить себе не заниматься сельским хозяйством, почему Цзяньцзунь может позволить себе ходить в школу в городе, почему Синхуа может позволить себе роскошь ничего не делать? Неужели вам ни разу не пришла в голову мысль, что папа был не единственным, кто занимался сельским хозяйством и кормил эту семью?

Приостановившись ненадолго, она продолжила развивать свою мысль:

— Всё это было благодаря нашей семье и семье Цзяньдан! Мы ежедневно возделывали поля, чтобы вы могли прокормить двух своих праздных детей!

Одно дело просто выслушивать жалобы, но когда слова критики перенаправили на её драгоценных близнецов, Сунь Цзиньхуа больше не могла сдерживать свой язык:

— Заткнись! Какое у тебя есть право говорить о своих младших брате и невестке? Они были рождены для величия! Как ты смеешь наговаривать на них? Ты даже не заслуживаешь позволения подбирать крошки с их стола!

Она действительно верила в правдивость этих слов. В конце концов, если бы её Цзяньдан и Синхуа не родились, как они могли бы достичь своего нынешнего образа жизни? Им двоим было суждено добиться успеха!

Столкнувшись с таким проявлением упрямства, Дань Цзинцю смирилась с бесполезностью споров с этим человеком.

Такова была убеждённость Сунь Цзиньхуа в своей собственной правоте. Она решила, что только у Цзяньдан и Синхуа будет многообещающее будущее, и совершенно упустила из виду жертвы, на которые были обречены остальные её дети.

Переубеждение невозможно.

Дань Цзинцю протянула руку и продолжила разговор с расстроенной Сунь Цзиньхуа:

— Мама, мы обе понимаем причину внезапной смерти Цзянго. Отдайте мне его вещи. Кроме того я знаю, что вы пошли к контрабандисту, который был с Цзянго, и потребовали у него денег. Отдай и их тоже.

Сунь Цзиньхуа была готова взорваться от гнева:

— Мечтай! Убирайся из нашего дома! Быстро! Давай, донеси на нас! Я тебя не боюсь!

Дань Цзинцю сохраняла спокойствие, она осторожно подвела старуху к кровати и усадила её на край. Очевидно, Сунь Цзиньхуа не собиралась покладисто следовать за ней, но крепкая хватка Цзинцю не оставила ей выбора.

Теперь, когда всё внимание аудитории сосредоточено на ней, можно начать представление.

Дань Цзинцю разглядывала деревянный шкаф, стоящий в углу дома Сунь Цзиньхуа и использовавшийся для хранения различного хлама. Выглядел он как потрёпанная и изношенная вещь, даже двери провисли.

Она небрежно подошла и открыла дверцу шкафа. Сунь Цзиньхуа никак не отреагировала, но с подозрением в глазах отслеживала её перемещения. Затем Дань Цзинцю одарила её злой улыбкой, схватилась рукой за деревянную дверь и сдавила её, сразу же расколов на части:

— Мама, вы что-то сказали?

— В последнее время я была в плохом настроении, вероятно, из-за произошедшего с Цзянго, и мне требовалось выплеснуть свои чувства. К счастью, у нас есть сломанная дверца шкафа.

Сказав это, она приложила больше силы, сдавливая массу, оставшуюся в её руке после поломки двери, измельчая её в порошок.

Сунь Цзиньхуа была так напугана, что переместилась вглубь кровати и затряслась. Превыше всего она дорожила своей собственной жизнью, а поскольку в её планах значилось наслаждение сим благословенным процессом, живя за счёт Цзяньдан и Синхуа, она не потеряет её таким образом!

— Ты... Что ты делаешь?

Все мысли выветрились, в голове осталась одна пустота.

Дань Цзинцю улыбнулась:

— Мама, я хочу, чтобы вещи, которые принёс Цзянго, вернулись вместе с его деньгами.

Сунь Цзиньхуа поспешно перевернулась, залезла под кровать, чтобы достать запертый сундук, а затем неуверенно вытащить корзину. Поскольку она боялась поднять глаза и взглянуть на Дань Цзинцю, то просто бросила корзину к своим ногам:

— Всё здесь... Я попрошу деньги. Я... я отдам их тебе через несколько дней.

На корзине остались следы засохшей крови, Дань Цзинцю погрузилась в свои мысли.

Сожалел бы Линь Цзянго о том, что пожертвовал столь многое ради своей матери, чтобы в итоге умереть столь бессмысленно?

По первому взгляду на корзину содержимое соответствовало тому, что отпечаталось в памяти первоначальной хозяйки тела, поэтому она перекинула её через плечо и ушла с несколькими отборными словами:

— Мама, в будущем я буду управлять всем в этом доме. Сообщите мне о доходах семьи. Вы можете оставить немного денег для себя, но я обязана об этом знать.

В тот момент, когда она почувствовала, что её власть была жестоко узурпирована, съёжившееся сердце Сунь Цзиньхуа преодолело её страх и она закричала:

— Тогда просто убей меня! Убей меня, если у тебя хватит смелости! Я тебя не боюсь!

Дань Цзинцю безмятежно ответила:

— Мама, зачем мне тебя убивать? Одной рукой она сделала рубящее движение по толстому деревянному стулу рядом с кроватью Сунь Цзиньхуа, сделав раскол ровно посередине.

— Даже если бы я хотела причинить неприятности, я бы никогда не расстроила вас, мама. Но я не могу гарантировать того же отношения к Цзяньдан и Синхуа, верно? У меня плохой характер, поэтому, пожалуйста, постарайтесь быть более понимающей. С отцом решите вопросы сами.

С этими прощальными словами она повернулась и ушла не моргнув глазом.

Сунь Цзиньхуа зарылась под одеяло и забилась в судорожных криках. Дьявол наконец-то ушёл. Она так разозлилась, но ничего не смогла поделать! И она знала, что Дань Цзинцю действительно способна сделать всё, что она сказала! Эта женщина слишком злая!

Но как бы она ни была расстроена, она так и не смогла придумать контрмеры.

Всё, что оставалось — это смирение.

Когда Дань Цзинцю быстро вышла не оборачиваясь, она оставила сильное впечатление своей уверенной походкой в памяти Сунь Цзиньхуа.

В тот момент когда она вышла за дверь, она быстро схватила свою правую руку левой.

Ох...

Хотя это было недостаточно серьёзным, чтобы считаться травмой, боль всё равно чувствовалась. К счастью, Сунь Цзиньхуа ни о чём не подозревала.

По крайней мере теперь Дань Цзинцю ясно осознала. В этой семье с Сунь Цзиньхуа нельзя обращаться хорошо, её нужно контролировать силой. Этот человек был слишком неразумным и воспользовался бы малейшим признаком доброты или слабости, поэтому её нужно контролировать, используя более безжалостные методы!

С этого дня даже посторонние поймут, что семья Линь претерпела радикальные изменения.

<http://tl.rulate.ru/book/47685/1456749>